29. Месяцеслов <…> на лето <…> 1791. – СПб., [1791].
30. *Паустовский, К.* Повесть о жизни / К. Паустовский // Паустовский К. Собр. соч. Т. 4. – М., 1982.
31. Полн. собр. законов Российской империи. Т. 20: 1775 – 1780. – СПб., 1830.
32. Словарь современного русского литературного языка. Т. 9 / ред. тома Н.З. Котелова, Г.А. Качевская. – М.; Л., 1959.
33. *Чекалова, И.В.* Новые материалы к биографии родственников К.Н. Батюшкова (по документам Государственного архива Вологодской области) / И.В. Чекалова // Батюшков. Исследования и материалы: Сб. научных трудов. – Череповец, 2002. – С. 362 – 374.

УДК 821.161.1-1

А.А. Лебедев
Научный руководитель: Н.В. Патроева

ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

В статье рассматриваются вопросы, связанные с типологией и функционированием сложных предложений в лирике П.А. Вяземского, которые исследуются как с точки зрения преобладания тех или иных типов конструкций, так и с позиции их роли в стихотворном тексте.

Сложное предложение, синтаксис П.А. Вяземского, поэзия XIX века.

This article considers the issues concerning the typology and functioning of complex sentences in the lyric poetry of P. A. Vyazemskiy, studied both in the context of prevalence of some or other types of structures and from the position of their role in the poetic text.

Complex sentence, syntax of P.A. Vyazemskiy, poetry of XIX century.

В настоящее время к проблемам, связанным с типологизацией и функционированием сложных предложений в творчестве поэтов обращаются многие исследователи, поскольку нельзя отрицать тот факт, что выбор и использование писателем тех или иных синтаксических конструкций накладывают определенный отпечаток индивидуальности на его авторский стиль.

Петр Андреевич Вяземский, талантливый поэт XIX века, был свидетелем и участником споров о языке между сторонниками «старого» и «нового» слога, где поддерживал представителей «нового языка», карамзинистов. Для своих литературных произведений он отыскивал, как он сам говорил, «в себе собственное, коренное, родовое; ничего не перенимал, никому раболепно не следовал» [2, с. 314]. При подготовке издания своего собрания сочинений поэт переработал многие стихотворные и прозаические произведения. Вяземский беспокоился о судьбе русского литературного языка в современной ему России и стремился не допустить излишних нарушений устоявшихся норм, направляя свое сатирическое перо и на новейших писателей. Он «соединял в своих поэтических и прозаических произведениях философичность, аналитизм и тонкий юмор, сатиру, высокую архаику, книжный усложненный синтаксис и простонародные словечки, разговорные интонации устной дружеской беседы, намеренно сталкивал разные функциональные речевые сферы, прибегал к стилистическим сбоям, таким образом демократизируя литературный язык с опорой на его лучшие традиции» [6, с. 394]. Все это отражалось не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне его поэтического языка.

Синтаксис сложных предложений в лирике Вяземского весьма разнообразен в структурно-семантических отношениях и в целом демонстрирует преобладание полипредикативных построений над монопредикативными; синтаксис Вяземского в связи с этим более рационален, чем эмоционален. Нами был проведен анализ 286 стихотворений Вяземского, в которых было выявлено 1638 сложных предложений (в среднем 5,7 сложных конструкций на стихотворение). В ходе анализа было обнаружено 3490 репрезентаций связи между частями сложных предложений. Из них на сочинительную связь приходится 902 случая (25,85 %), на подчинительную связь – 1061 пример (30,40 %), на бессоюзную связь – 1527 употреблений (43,75 %). Таким образом, отчетливо проявляется активность бессоюзия в сравнении с сочинением и подчинением – это типичная черта стихотворных произведений вообще. Преобладание бессоюзной связи отражает специфику поэтической речи в целом, однако в позднем творчестве Вяземский отходит от частого употребления бессоюзных конструкций; стихотворения данного периода отличаются глубокой мыслью, построенной на причинно-следственной связи. Если проводить параллели между синтаксисом лирики Вяземского и общеязыковыми тенденциями, связанными с углублением и расширением гипотактической связи в языке, то нельзя не отметить тот факт, что у Вяземского гипотактический тип связи преобладает над паратактическим. Вместе с тем тенденции, связанные с демократиза-

цией литературного языка на уровне синтаксиса (сокращение длины предложения, устранение тяжеловесных конструкций) не вполне нашли отражение в его творчестве. Обновление и демократизация языка у Вяземского заметны, в первую очередь, на лексическом и морфологическом уровне, в то время как синтаксис лирики поэта (особенно применительно к торжественным, декламационным произведениям) по-прежнему близок к традициям классицистов.

Однако в целом синтаксис Вяземского, в том числе и на уровне сложного предложения, весьма необычен: особые композиционные, семантические и интонационные особенности, присущие его лирике, формируют тот уникальный и неповторимый стиль, которым написаны произведения поэта. Сложные предложения в творчестве П.А. Вяземского выполняют важнейшие функции: структурно-композиционную (например, строфического членения при совпадении границ строфы и сложной конструкции), ритмико-интонационную (напевный тип интонации, плавность, мерность мелодики или, напротив, говорной тип при учащении резких переносов из строки в строку), экспрессивно-стилистическую (участие в создании различных тропов и фигур).

Сложносочиненные предложения используются им в разного рода лирических описаниях («*Рассеялись пары, и засверкали горы, // И солнца шар вспылал на своде голубом*») [3, с. 130]; бессоюзные предложения преимущественно употребляются при передаче сюжета стихотворения («*Пес лаял на воров; пса утром отодрали*», «*Пес спал в другую ночь; дом воры обокрали*» [3, с. 123]; «*День светит; вдруг не видно зги*» [3, с. 215]). Сложноподчиненным предложениям отводится особая роль – они применяются в том случае, когда надо продемонстрировать рациональную, причинно-следственную связь между мотивами, формирующими лирический сюжет, или в философских размышлениях внутреннего субъекта стихотворения («*Когда в тебе есть совесть, // В чужие сани не садись*» [3, с. 112]; *Бедствий меньше бы терпели, // Если б люди, страстны к злу, // Были верны в ночь постели, // Верны днем, как я, столу* [3, с. 105]).

С точки зрения количества частей сложного предложения в проанализированных нами стихотворениях встречается 694 двучастных предложения (42,37 %), 471 трехчастное (28,75 %), 270 четырехчастных (16,48 %), а также 203 конструкции с пятью и более частями (12,4 %). Хотя заметно преобладание двух- и трехчастных сложных предложений, встречаются конструкции, которые состоят из пяти и более частей. Такие предложения чаще всего используются не более чем единожды в том или ином стихотворении. Произведения с подобными многочастными конструкциями носят философский характер, наполнены разнообразными рассуждениями лирического «я» и велики по объему. Конструкции с большим количеством частей, вкупе с преобладающей в целом бессоюзной связью, создают значительные трудности для восприятия содержания стихотворений современным читателем в силу перегруженности стихотворения атрибутами и событиями-пропозициями, отношения между которыми не эксплицированы с помощью союзных и релятивно-местоименных коннекторов. Традиция использования многочастных синтаксических структур восходит еще к М.В. Ломоносову, который «владел большими синтаксическими структурами в виде сложноподчиненных предложений с большим числом параллельных придаточных», будучи в свою очередь ориентированным на более ранние латино-немецкие образцы, и Г.Р. Державину [1, с. 273].

Ряд контекстов в лирике Вяземского требует дополнительного обдумывания и выстраивания логических связей, поскольку выражаемые синтаксические отношения не поддаются однозначной, ясной непосредственно после прочтения, интерпретации.

Что шаг – в виду Харибды, Сциллы,
Что шаг – Иракловы столбы;
Всегда под роковою силой
Мы внешних случаев рабы [3, с. 343].

Здесь личность есть и самобытность,
Кто я, так я, не каждый мы,
Чувств подчиненность или скрытность
Не заморозила умы [3, с. 350].

Наибольшую сложность в понимании смысла конструкции вызывают бессоюзные предложения с недифференцированными, контаминированными смысловыми соотношениями условия, времени и следствия:

Взойти в кондитерскую лавку
Иль в лавку к Оленину – кругом
Висят бессмертья кандидаты [3, с. 211].

Сей вес перетянуть один глупец затеет;
Но раздроби ее, вся важность пропадет [3, с. 330].

В сложноподчиненном предложении также возможны случаи многозначных трактовок. Наиболее частый случай – синкретизм времени и условия:

Но злобою мой ум кипит и цепенеет,
Когда на казнь земле и небесам в укор
Судьба к честям порок возводит на позор [3, с. 128].

И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят [3, с. 262].

Комбинация разных видов связи в сложной конструкции также может создавать «трудные», «темные» места:

А подвижной сей каземат,
А подвижная эта пытка,
Которую зовут: кибитка,
А изобрел нам зимний ад [3, с. 214].

Союз «а», появляющийся в четвертой строке четверостишия, сбивает читателя, и заставляет его искать параллели с первыми двумя строками, к которым конструкция «А изобрел нам зимний ад» не имеет отношения, поскольку является присоединительной и характеризует причины появления объекта описания (в то время как анафорические конструк-

ции из первой и второй строки четверостишия дают яркую метафорическую характеристику не названного пока транспортного средства).

При построении сложных конструкций Вяземский использует целый ряд экспрессивно-стилистических приемов и фигур:

1. Алогизм. Например, в стихотворении «Осе л и рябина» [3, с. 90]. Взаимоотношения между частями сложного предложения и смысл предложения в целом здесь предельно замутнены: («*Мужик, вскочивши на осину, // За обе щеки драл рябину, // Иль, попросту сказать, российский чернослив: // Знать, он в любви был несчастлив!»*). Как отмечает М. Ю. Лотман, данное стихотворение прекрасно своей бессмысленностью; перед нами «ряд семантических нелепиц»: на осине растет рябина, между персонажами – французом, мужиком и ослом – нет связи, более того, осел к концу стихотворения становится ослицей. Мораль, заключающая басню, непредсказуема и кажется логичной только на первый взгляд [5].

2. Антитеза:

В вас две причины: хлад и пламень,
Пыл гнева и таланта лед;
Сей в гору сгоряча несет,
Тот сдуру тащит вниз, как камень [3, с. 232].

3. Асиндетон:

В сих голосах мелодии пустыни;
Я слушал их, заслушивался их,
Я трепетал, как пред лицом святыни,
Я полон был созвучий, но немых [3, с. 227].

Благодаря отсутствию союзов (а также повтору местоимения первого лица) внимание читателя сосредоточивается на анафорическом использовании тем самым подчеркнутого структурно и по смыслу местоимения, выдвигающего фигуру лирического субъекта на первый план.

4. Полиптот:

Я пережил и **многое**, и **многих**
И **многому** изведал цену я [3, с. 260].

Использование полиптота в данном случае характеризуется тем, что повторяемое слово употребляется в разных частях полипредикативного предложения: сложность конструкции и включение однородного ряда расширяют возможность для повтора лексемы.

5. Синтаксический параллелизм:

Картузов – сенатор,
Картузов – куратор,
Картузов – поэт.
<...>
Худой он сенатор,
Худой он куратор,
Худой он поэт [3, с. 66].

В первой и третьей строфах стихотворения наблюдается синтаксический параллелизм; в первой строфе части предложения выстроены по схеме («существительное в им. п.» – «существительное в им. п.»); в третьей строфе эта схема усложняется повторяющимся прилагательным «худой», которое вынесено в начало стихотворной строки.

6) Хиазм:

Хандра все любит,
А любовь всегда хандрит [3, с. 236].

Помимо этого, сложные предложения используются Вяземским для формирования структуры целого текста (к примеру, стихотворение «Семь пятниц на неделе» состоит из восьми строф, в конце каждой из которых повторяется словосочетание «семь пятниц на неделе», но в разном окружении; в заглавие стихотворения «Kennst du das Land» и в начало некоторых строф вынесена цитата на немецком языке из Гете («Ты знаешь ли край»), которая открывает собой сложноподчиненную конструкцию в качестве ее главной части).

Набор союзов и союзных слов, используемых Вяземским в своем творчестве, в достаточной степени типичен для поэта XIX в. Случаи присутствия устаревших (архаичных), устаревающих и окказиональных союзных средств единичны (*бо, кой; пред тем чтоб, чтоб словно*), а в целом в творчестве поэта можно наблюдать исчезновение средств с маркированными элементами высокого стиля, а также «появление новых союзных средств, усложнение состава грамматической системы» [4, с. 8], что привело к активному функционированию разного рода составных союзов.

Демократизация языка, характерная для писателей XIX в., не в полной мере отражена в творчестве Вяземского. Если лексический и морфологический уровни языка поэта подверглись значительному обновлению в сравнении с произведениями авторов прошлого века, то синтаксический уровень сохраняет в себе те традиции, которые были характерны для классицизма (большие по объему синтаксические конструкции, тяжеловесные, трудные для восприятия фразы, наличие множества осложнителей предложения).

В середине мая 1826 г. Пушкин написал в письме к Вяземскому: «Твои стихи <...> слишком умны. А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата» [7, с. 194]. Именно интеллектуальность поэзии, ее глубина стала отличительной чертой творчества Вяземского; стремление к выстраиванию причинно-следственных, глубинных связей, нехарактерное для лирики в целом, нашло широкое отражение в творчестве этого выдающегося поэта и мыслителя. Немаловажную роль в оформлении сверхсодержательности и интеллектуальности поэзии Вяземского сыграли именно сложные предложения.

Литература

1. *Булаховский, Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис / Л.А. Булаховский. – М., 1954.

2. *Вяземский, П.А.* Автобиографическое введение / П.А. Вяземский // Вяземский П.А. Записные книжки. – М., 1992.

3. *Вяземский, П.А.* Стихотворения / П.А. Вяземский. – Л., 1986.

4. *Дмитрук, Т.И.* Средства связи в однофукциональных конструкциях простого предложения в литературном языке XVIII в.: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2006.

5. *Лотман, Ю.М.* О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб., 1996.

6. *Патроева, Н.В.* Языковая личность, языковая рефлексия, языковая игра (размышления над страницами «Записных книжек» П.А. Вяземского) / Н.В. Патроева // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11. – Вып. 1 (46/47).

7. *Пушкин, А.С.* Собр. соч.: в 10 т. / А.С. Пушкин. – М., 1959. – Т. 9. Письма 1815 – 1830 гг.

УДК 82.09

М.В. Мелихов

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕАЛИЙ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

В статье на материале оригинальной переделки известного рыцарского романа о Брунцвике («Гистории о Брунцвике») анализируется проблема интерпретации исторических фактов первой трети XVIII в. в произведениях массовой народной литературы.

Русская народная литература XVIII в., историко-беллетристическое повествование, рыцарские романы, повести Петровской эпохи, демократическая литература.

The problem of interpretation of historical facts of the first third of the XVIII-th century in the popular literary works is analysed in the article. (Based on original adaptation of a famous knight's romance about Bruntsvik) (“Gistorii about Bruntsvik”)

Russian public literature of XVIII-th century, historical and fiction narration, romances, Peter the Great epoch tales, democratic literature.

В XVII – XVIII вв. в русской литературе одним из самых популярных был жанр рыцарского романа. В какой-то мере рыцарские (точнее, псевдорыцарские) романы частично наследуют функции воинских повестей: в них также создается образ «героя времени» – отважного воина, доблестного защитника государства. Сближает их и то, что они распространяются в рукописном виде и часто находятся в одних и тех же сборниках. И там, и здесь герои знатного происхождения, у них практически всегда есть исторический (или литературный) прототип. История бытования в России переводного рыцарского романа изучена достаточно полно. К настоящему времени выявлен основной корпус наиболее известных произведений, уточнены сведения об источниках большинства из них, определены основные закономерности переводов и переработок.

Одним из самых популярных переводных рыцарских романов была «Повесть о Брунцвике» (далее: ПБ). Она известна в России с конца XVII в. История текста этого произведения, соотношение с источниками (чешскими повестями о короле Штильфриде и его сыне Брунцвике), бытование в России в рукописном виде изучались М. Петровским [3], В.В. Сиповским [16], В.Д. Кузьминой [7, с. 64 – 65], А.М. Панченко [11].

Основа сюжета русской версии ПБ такова: женившись, Брунцвик уезжает на поиски приключений и возвращается, когда жена, уже потеряв надежду, собирается выйти замуж. Другая особенность сюжета ПБ – во введении мотива дружбы героя с хищным зверем: львом. Мотив дружбы человека с животным был достаточно широко распространен в мировом фольклоре (см., например, многочисленные сказки о волшебных животных – помощниках главного героя), в агиографии и воинских повестях. Русские книжники знали о львах из многих литературных источников, по преимуществу из произведений о христианах-праведниках. Рассказы о героях и львах имеются уже в Библии, и представлены они сюжетами двух типов: в первом, древнейшем, герой – избранник Божий Самсон – побеждает льва в единоборстве (Суд. 14, 6); во втором льва усмиряет праведник или посланные Богом ангелы (например, пророк Даниил (Дан. 6, 16 – 23). Сравнение врага со львом и другими хищниками было обычным и для древнерусских воинских повестей [10, с. 30 – 32].

В коллекции рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского университета текст, датированный концом XVIII в., – «Гистория о Брунцвике». Анализ этого произведения позволит выяснить, какие изменения претерпели жанровые каноны средневекового историко-беллетристичес-кого повествования в новой исторической реальности и в новой (крестьянской и мещанской) среде бытования, а именно: каким образом эти новые общественно-политические идеалы и художественные требования отражаются в эволюции критериев оценки личности (исторического героя) и в интерпретации реальных исторических событий. Несмотря на то, что сборник датирован 1725 г., филиграни на бумаге позволяют заключить, что он написан в 80-е гг. XVIII в. Название произведения неизвестно, но в читательской записи, помещенной на последней странице текста, оно названо